

УДК 316.324.8

П. М. Бурак, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой (БГТУ)**МИРОВОЗРЕНЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**

В статье обосновывается необходимость обеспечения мировоззренческой безопасности становления постиндустриального общества. Выявление содержания и перспективного значения мировоззренческой безопасности осуществляется на основе анализа работ Д. Белла, У. Бека, Г. Бехманна, С. Н. Некрасова, В. И. Вернадского, Н. Н. Моисеева с учетом современных научных и философских знаний о природе человека как активного участника универсальной (глобальной) эволюции.

The article substantiates the necessity of providing outlook safety of postindustrial society formation. The content and perspective importance of outlook safety are revealed on the basis of analyzing the works by D. Bell, U. Beck, G. Bekhmann, S. N. Nekrasov, V. I. Vernadsky, N. N. Moiseyev with the account of modern scientific and philosophic knowledge on the nature of man as an active participant of universal (global) evolution.

Введение. Нарастание интенсивности и многообразия внешних и внутренних рисков и угроз стабильности современного общества во всех важнейших сферах его жизни вынуждает разрабатывать как специальные концепции безопасности (продовольственной, информационной, демографической, энергетической, социально-экономической, экологической и др.), так и в целом принимать и реализовывать стратегию национальной безопасности, обеспечивающую защиту основных достижений, приоритетов и ценностей общества и государства, их устойчивое развитие. Например, «под национальной безопасностью РФ понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [1].

В новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной в 2010 г., национальная безопасность характеризуется в близком по смыслу значении – как состояние защищенности национальных интересов Беларуси от внутренних и внешних угроз. Данные интересы характеризуются как общие для личности, общества и государства. Поэтому все граждане должны понимать, что национальная безопасность зависит от каждого из них.

Вместе с тем необходимость периодического уточнения задач стратегии национальной безопасности и совершенствования содержания соответствующих концепций в связи с изменением экономических, социальных, международных и других условий обязывает осуществлять опережающую разработку теоретико-методологических и мировоззренческих вопросов обеспечения безопасного

развития общества и государства. Актуальность таких исследований обусловлена, в особенности, потребностью в формировании мировоззренческих ориентиров и целей постиндустриального общества, в становлении которого сохраняются потребительская направленность и акцентирование на самодостаточности социальных механизмов стабильного развития. Эти факторы являются важнейшими причинами кризиса современной цивилизации, социальной и социоприродной нестабильности, новых рисков.

Поэтому в статье рассматриваются тенденции включения общества в более широкий контекст системных связей социоприродного характера, которые обуславливают ценностные ориентации, детерминирующие стабильность и безопасность существования человека и воспроизводства общества. Содержание понятия и необходимость мировоззренческой безопасности раскрываются в связи с оценкой места и роли общества в глобальной эволюции, представления о которой составляют ядро современной научной картины мира, и в контексте закономерного становления ноосферы.

Основная часть. В этой части рассматриваются важнейшие тенденции формирования условий обеспечения безопасности современного общества.

Становится все более очевидной закономерность развития специфической деятельности в направлении от концептуального обеспечения безопасности отдельных сфер в жизни общества и отраслей производства к формированию целостной системы такой деятельности по отношению к государству, обществу и человеку. Эта тенденция выявляет необходимость разработки общей теории и методологии безопасности, а значит, и соответствующей подготовки специалистов. Подобные шаги предпринимаются некоторыми российскими учеными.

Государственная политика по обновлению общества, выраженная в стратегии инновационного развития, делает ставку на приоритетность интеллекта человека, творческую активность граждан, создание новейших технологий. Инновационное развитие оценивается специалистами как органическая составная часть национальной безопасности в целом. Не только философия замечает, но и современная практика международных отношений, складывающаяся под влиянием процессов глобализации, все более убеждает, что именно развитие человека и общества в согласовании с новыми знаниями о явлениях и законах природы выступают факторами обеспечения стабильности и безопасности той или иной страны в контексте противоречивых процессов обострения конкурентных отношений и формирования мирового сообщества.

Современная история внутриобщественных, межнациональных, межцивилизационных, международных и прочих социальных отношений, а также состояния взаимодействия общества с природными явлениями, включая стабильные и нестабильные их варианты, показывают, что национальная и, в более общем плане, социальная безопасность зависят от степени овладения человеком новыми теоретическими знаниями и практическими навыками регулирования своего взаимодействия с аperiodическими и периодическими, кратковременными и долговременными, медленно протекающими и взрывными процессами перехода от порядка к хаосу и последующего образования новых системных структур и отношений.

Землетрясения и цунами, дестабилизировавшие жизнь на части северных территорий Японии, ясно показали, насколько важно создавать технологии, строить национальную культуру и систему организации жизни общества, управления им, руководствуясь опережающим знанием. С другой стороны, природные катаклизмы, равно как и повторяющиеся «приливы» социальной нестабильности в той или иной стране мира, регулярно напоминают о существующей независимо от желаний человека закономерности, состоящей в том, что взаимодействие с природой и внутрисоциальные отношения складываются в определенной степени стихийно, изменяя прежние устойчивые состояния социума и обуславливая поиск новых вариантов обеспечения безопасности. Всякая стабильная система постоянно подвергается ударам различных по природе и масштабам хаосогенных процессов. Согласно существующим оценкам, каждая система включает в себя элементы хаоса, которые являются фактором

ее постоянного совершенствования в направлении поиска и создания новых ресурсов и механизмов стабильности. В радикальных же вариантах, при условии если система не «утруждает» себя такими поисками, происходит накопление энергии и увеличение масштабов хаотических изменений, ведущих к саморазрушению системы. Онтологическая сущность данной проблемы заключается в том, что человек является плотью от плоти природных и социальных систем и он не может иными способами организовывать свою жизнь, как только черпая энергию для созидания из природных и социальных структур, что сопровождается их определенной дестабилизацией и переходом в новые более адекватные интересам различных групп людей состояния. Поэтому в центр разработки проблем безопасности необходимо поставить вопрос об онтологических закономерностях деятельности человека в его связях с природой и обществом. По современным представлениям природа человека выражает в сжатом виде характеристики основных этапов развития Вселенной, и поэтому человек рассматривается как космобиопсихосоциальное существо.

Опираясь на идею В. И. Вернадского о том, что сфера устойчивости жизни шире, чем область биосферы, можно, рассуждая по аналогии, утверждать, что национальная безопасность и стабильность зависят от поддержания безопасности и стабильности в обществе, механизмами которых являются моральные устои, культурное творчество народов, его традиционные ценности, идеалы, жизненные ориентации, убеждения и межнациональные отношения, а также прочие факторы, которые законодательно не регламентируются и полностью государством не регулируются. В этом отношении воспроизводственный потенциал общества по сравнению с ресурсами самоорганизации государства является более подвижным и универсальным, выступая историческим контекстом формирования той или иной государственной системы.

Историческая практика государственного строительства и социального прогресс зависят друг от друга. Безопасность и стабильность государства могут обеспечиваться, если оно выражает интересы общества, стимулирует свободу проявления позитивной активности и поддерживается им. Безопасность и стабильность общества обеспечиваются государством, если оно доверяет этому государству, делегирует ему свою волю по установлению одобряемых им законодательных правил общежития, формирует его как свою органическую часть и сохраняет государство в моральной чистоте,

приоритетном социальном статусе, признавая его в качестве авторитетного арбитра, незаформализованного судьи, помощника, официального инициатора и организатора, деятельность которого направляется во благо народа.

Учитывая, что всякая живая, открытая система (в том числе государство и общество) может существовать только лишь за счет притока энергии, вещества и информации извне, следует отметить соответствующие природные основания национальной безопасности и устойчивого развития общества и государства, без которых социальная стабильность является недостижимой. Многие из природных источников (солнечная энергия, движение воздушных масс, образование пресных вод, энергия приливов, географические условия и другие факторы) находятся за пределами юрисдикции государства и никогда полностью не регулируются обществом. Поэтому, если даже в том или ином обществе и реализуется проект построения отношений социальной справедливости, но он основан на формировании лишь социоцентристски ориентированных культуры, идеологии производства, инновационных технологий и формировании экономики потребления, имеющей целью благо всех, то такое общество будет неизбежно замыкаться на собственном воспроизводстве, вступая во все более масштабные и опасные конфликты с природой (биосферой).

Более общей, стратегической целью исторического развития человека, интегративным результатом преобразований природы является, как это показано В. И. Вернадским, формирование ноосферы. Ноосфера представляет собой преобразуемую человеком биосферу, формируемую разумом и трудом, новую системную основу жизни человека, его социоприродный дом, опирающийся на фундамент направляемой коэволюции, процессов и явлений неживой, живой природы и общества. Определяющую роль в стабильности ноосферы играет объединенный человеческий разум или коллективный разум человечества. В этой связи стратегия национальной безопасности, безусловно сохраняя свое конкретное предназначение, с необходимостью должна согласовываться с требованиями безопасности более широкого системного целого – становлением ноосферной организации жизни социума, которая должна обретать статус общего механизма и цели всего человечества и каждого народа. Уже упоминаемая катастрофа в Японии наглядно демонстрирует, что средств обеспечения национальной безопасности для предотвращения и устранения негативных последствий природной стихии недостаточно даже в высокоразвитой стране.

По некоторым данным помощь Японии вызвалась оказать 91 страна мира. Это и есть пример кооперативного действия различных стран и культур по преодолению хаоса, целенаправленной стабилизации ситуации в обществе. Общество является частью природы и его внутренняя безопасность находится в зависимости от характера взаимодействия с природой как более общей открытой системой. Любое национальное общество так или иначе включено в процесс становления ноосферы, что требует сверки ценностных и мировоззренческих оснований национальной безопасности с закономерностями становления ноосферы, ее ценностными ориентациями, включая согласование путей и условий воспроизводства общества с законами природы в целом.

Современные условия развития, стабилизации и безопасности общества обусловлены действием различных по природе переходных состояний, вызывающих неопределенность, нестабильность и различного рода риски. Объектом изучения постнеклассической науки являются человеко-природные, человеко-технические и другие подобные системы, что значительно увеличивает роль производства переходного, связующего знания с целью обеспечения эффективности практической деятельности. Формируется целое научное направление по производству междисциплинарного и трансдисциплинарного знания, необходимого для решения комплексных проблем социального развития. Реализация стратегии инновационного, устойчивого развития требует усилий по созданию стабильно функционирующей системы «наука – образование – производство – общество – природа – ноосфера», являющейся своеобразной матрицей организации ноосферной деятельности по производству инновационного продукта, который представляет собой результат регуляции и управления переходами между частями данной системы.

Становление ноосферы на основе коэволюционной стратегии, как наиболее вероятный путь безопасного развития общества, должно опираться на систему знаний о закономерностях перехода биосферы в ноосферу и обратно, о прямых и обратных связях между ними. Однако такая система знаний в достаточной мере еще не сложилась.

Анализ возможностей построения постиндустриального общества связан с необходимостью выявления специфики переходных социальных изменений. Один из теоретиков постиндустриального общества Д. Белл отмечал: «Я использую термин "постиндустриальный" по двум причинам. Во-первых, чтобы подчеркнуть промежуточный или переходной характер

происходящих в обществе изменений. И, во-вторых, чтобы выделить осевой, определяющий их направление фактор – интеллектуальную технологию. Но это отнюдь не означает, что технология является движущей силой всех иных общественных перемен. Никакая концептуальная схема никогда не исчерпает социальную реальность» [2].

Согласно Д. Беллу, постиндустриальное общество порождает ряд имманентных факторов нестабильности и риска, к которым относятся следующие: исключение из процессов труда и повседневной практики природы и искусственно созданных предметов; новые дефициты – дефициты информации и времени; утрата системной целостности общества, расхождение между технико-экономическим строем, государственным устройством и культурой, принципы функционирования, которые нередко находятся в противоречии с принципами других; рост благосостояния, поощрение гедонистического образа жизни и отсутствие высшей идеи, ощущения цели и смысла человеческого существования; усиление инструментальной власти, власти над природой и, в какой-то степени, над человеком [3].

Немецкий социолог У. Бек, анализируя кризисные явления в современных западных обществах, также развивает идею, заключающуюся в том, что модернизация классического индустриального общества не ликвидирует угрозы нестабильности, порожденные потребительской стратегией индустриализма, а напротив, «размывает контуры» данного общества и, отделяясь от него, приобретает новые очертания – очертания индустриального «общества риска» [4].

В модернизируемом индустриальном обществе складывается новая тенденция роста нестабильности, состоящая в изменении соотношения производства богатства и производства рисков, которая приняла глобальный масштаб. «...В то время как в индустриальном обществе, – отмечает У. Бек, – "логика" производства богатства доминирует над "логикой" производства риска, в обществе риска это соотношение меняется на противоположное. ...Выгода от технико-экономического "прогресса" все более оттесняется на задний план производством рисков. ...В центре стоят модернизационные риски и их последствия, которые проявляются в непоправимом ущербе для жизни растений, животных и людей. ...В них присутствует тенденция к глобализации, которая охватывает производство и воспроизводство, пересекает национально-государственные границы и в этом смысле порождает наднациональные и неклассовые глобальные угрозы...», «...индустриаль-

ное общество в процессе развития само делается неустойчивым. ...Вера в науку и прогресс расшатывается, возникает новая двусмысленная связь между массами и рисками, т. е. вырисовываются контуры общества риска» [5].

Известный немецкий ученый Г. Бехманн в своих исследованиях проблем становления информационного общества предпринял попытку показать, что неопределенность, риски, нестабильность и неуверенность обусловлены в значительной степени имманентными особенностями развития научного знания, которое становится все более определяющим в организации жизни общества, субъективными причинами, отношениями между людьми, социальными запросами и условиями приспособления знания для удовлетворения разнообразных социальных потребностей.

Любое научное (истинное) знание не является полностью завершенным по отношению к изучаемому объекту. Оно включает черты относительности, признаки неопределенности и как бы неполную готовность для целей практического использования. «Наука, – констатирует Г. Бехманн, – не в состоянии гарантировать когнитивную определенность. Иначе говоря, научный дискурс депрагматизируется. Он не может предложить окончательные или просто истинные утверждения (в смысле подтвержденной причинной цепочки) для практических нужд, но только более или менее пластичные и часто дооспариваемые допущения, сценарии и вероятностные предположения. Вместо того, чтобы быть источником достоверного знания, наука становится источником неуверенности» [6].

В силу отмеченных особенностей научного познания «...любое приращение знания выявляет еще больший масштаб незнания. Чем больше общество полагается на знание, тем более трудным становится понимание, описание, предсказание и контроль... социальных изменений – просто в силу недостатка знания» [7].

Анализ работы Г. Бехманна позволяет сделать ряд важных выводов относительно возможностей обеспечения безопасности общества знания, которое характеризуется в качестве определяющей системы по увеличению производства и росту роли научного знания в становлении постиндустриального общества. Во-первых, выявляется устойчивый процесс трансформации общества знания в общество риска. Во-вторых, важнейшей причиной такого превращения является постоянно расширяющийся заказ на производство и применение точного, технологичного, прикладного знания, которое

приносит конкретные материальные потребительские блага и, вместе с тем, стимулирует рост негативных последствий и рисков научно-технического прогресса. В-третьих, поставленная лишь на службу непосредственному производству и потреблению наука в ее связи с экономикой и соответствующей политикой обнаруживает свою недостаточность в решении проблем снижения уровня рисков и опасностей научно-технического прогресса в предотвращении разрушения природы и, следовательно, в обеспечении безопасности развития общества знания. Тем самым данное общество объективно «настраивается» на постоянное воспроизводство внутреннего конфликта между узконаправленным воспроизводством человека как потребителя и его универсальной природой, выражающейся в потенциальной способности к разносторонней творческой деятельности и саморазвитию. В-четвертых, неопределенность самого научного знания, относительность научной истины, являющиеся внутренними, характерными особенностями науки, значительно усиливаются реализацией приоритета прикладных исследований и практико-прагматическим использованием ее результатов. В итоге наука приносит не только блага, но и новые проблемы и опасности для жизни масс людей, сквозь призму которых ими оценивается наука в целом и происходит формирование устойчиво негативного к ней отношения. В-пятых, стремление создать механизм более безопасного применения науки в различных интересах и целях, использовать знания с большей практической эффективностью приводит к формированию новой иерархической структуры научного знания, включая принцип создания знания о знании. Это по расчетам некоторых специалистов должно уменьшить нежелательную неопределенность и относительность научной истины, но в итоге происходит обратный процесс – увеличение неопределенности и рост релятивизма научного знания.

Все отмеченные обстоятельства обуславливают процесс порождения в информационном обществе иерархической структуры знаний. В эту структуру включается: основное или исходное знание, над ним надстраивается экспертное знание, над экспертным знанием возникает еще один слой экспертного знания, включающий социальные требования, заказы, методы анализа и оценки характера первичной экспертизы, на следующем уровне образуется знание, полученное в исследованиях нестабильных и неопределенных состояний, ситуаций риска, в том числе порождаемых научно-техническим прогрессом. Как к данной гносеологической структуре добавляется знание о

фальсификациях и манипуляциях с информацией, далее следует производство знаний для обучения деятельности в условиях риска и, наконец, осознается потребность в разработке системы знаний об общих закономерностях человеческой деятельности, в том числе и научной, ее ценностных основаниях, закономерностях развития общества, его взаимодействия с природой о природе человека, поскольку, как отмечает Г. Бехманн, научно-технический прогресс, создавая риски и опасности, затрагивает основы человеческого существования, создает проблемы сохранения жизни. Все это означает, что более широкие возможности и условия безопасности (равно как предпосылки новых опасностей) объективно складываются за пределами непосредственно практико-ориентированных научных знаний, за рамками информационного общества. Развитие общества знания, включающее противоречие между ожиданиями, позитивными результатами развития науки и техники, приращением знания важнейшего фактора жизни общества и нарастанием негативных последствий рисков и неопределенности обуславливает необходимость разработки новых ценностно-ориентационных представлений о законах развития человека и общества, формирования новых убеждений и идеалов, которые выполняли бы роль обеспечения мировоззренческой безопасности становления постиндустриального общества.

В современной литературе, посвященной проблемам безопасности социально-экономического развития, анализируются новые тенденции кризисного состояния постиндустриализма и процессы, обуславливающие возможность саморазрушения информационного общества. Одной из таких тенденций является отделение финансов от сектора реального производства товаров, увеличение выпуска пустой денежной массы, что ведет к снижению стабильности и безопасности, угрожающих основам жизни общества. Как отмечает С. Н. Некрасов, «вопрос сегодня стоит так: безопасность экономики постиндустриальной глобализованной цивилизации "третьей волны" находится под смертельной угрозой распада индустриальной инфраструктуры, а потому безопасность общества и национальных государств возможна только при условии создания работоспособной экономики неоиндустриального типа. Эта экономика станет экономикой обеспечения социальной безопасности...», что будет означать избавление от «разрушительного курса постиндустриализма» [8]. Действительной задачей должно стать «соединение информационных технологий с индустриальным производством и машинным парком в целях образования

передовой промышленной системы...» [9]. Неоиндустриализм должен опираться на взаимосвязанные процессы инновационного развития науки, образования и промышленности. С. Н. Некрасов считает, что в России, учитывая конкретные условия, нужно разрабатывать концепцию формирования неоиндустриальной системы.

Доминирование узкого практицизма в регуляции внутрисоциальных отношений постиндустриального или неоиндустриального общества ограничивает использование современного мировоззренческого знания о множественно проявляющейся природе человека, обусловленной его органической включенностью в биосферу, процессы ее трансформации в ноосферу, ноосферогенез, глобальный эволюционный процесс. Это означает, что человек выполняет свои многообразные функции в контексте более общей, в сравнении с обществом, системной организации жизни, природы в целом. Его положение в мире многофункционально и противоречиво. По оценке В. И. Вернадского, человек как живое существо и его сознание есть функции биосферы [10]. Подобным же образом человек связан с историческим процессом перехода биосферы в ноосферу, с механизмами воспроизводства ноосферы, общества. Он также является субъектом и объектом собственной жизни. Кроме того, он выступает объектом и субъектом глобальной эволюции [11]. В современной науке все чаще обсуждается идея о том, что человек по своей природе является космобиопсихосоциальным [12] существом и его многофункциональный статус не должен характеризоваться только лишь стремлением к росту благосостояния. Соответственно, решение проблем безопасности общества и человека, как и характер рисков, связаны с формированием коэволюционных механизмов согласования развития общества с закономерностями биосферы, ее переходом в ноосферу, функционированием ноосферы и глобальной эволюцией. Под мировоззренческой безопасностью понимается состояние духовной жизни общества, выражающееся в формировании и функционировании системы знаний, убеждений, ценностных ориентаций, идеалов на основе механизмов внутрисоциальной и социоприродной коэволюции, организации ноосферной системы взаимодействия общества с живой и неживой природой.

Заключение. Важнейшими причинами нестабильности и роста рисков в становлении постиндустриального общества являются: практическая акцентировка на самодостаточность сугубо социальных механизмов устойчивого развития общества, доминирование потребительской культуры, увеличение релятивности

научного знания в связи с ростом его производства и расширяющимся практическим использованием, недооценка воздействия самоорганизации природы как системы, формирующейся в процессе глобальной эволюции, включая и этап социального развития материи. Поэтому стабильность и безопасность общества обусловлены его «участием» в едином мировом процессе системогенеза, в том числе в обеспечении перехода биосферы в ноосферу. Благосостояние как внутренняя цель общества оказывается зависимым от более общей задачи – построения ноосферной организации жизни людей при помощи регулируемой коэволюции явлений и процессов живой, неживой природы и самого общества. Достижение более высокого уровня безопасности и ответственности в обществе связано с разработкой и практическим использованием мировоззренческих знаний ноосферного уровня в качестве направляющих и регулирующих идей, ценностных ориентаций в динамике постиндустриального и неоиндустриального обществ.

Литература

1. Фомин, М. В. Россия. Матрица социальной (не) стабильности / М. В. Фомин // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 8. – С. 56–57.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. CXLVI.
3. Там же. – С. CLI, CLIV, CLVI, CLVIII, CLIX, CLXI–CLXIII.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к новому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 8.
5. Там же. – С. 14, 16.
6. Бехманн, Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков / Г. Бехманн // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 124.
7. Там же. – С. 125.
8. Некрасов, С. Н. Как гарантировать безопасность России в глобальном мире / С. Н. Некрасов. – Екатеринбург: Изд-во УрГСХА. – 2008. – С. 6.
9. Там же. – С. 8.
10. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – С. 197, 229.
11. Моисеев, Н. Н. Алгоритмы развития / Н. Н. Моисеев. – М.: Наука, 1987. – С. 143.
12. Волков, Ю. Г. Человек: энциклопедический словарь / Ю. Г. Волков, В. С. Поликарпов. – М.: ГАРДАРИКИ, 1999. – С. 41.

Поступила 27.03.2011